



ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ... НА РАТАЕВСКОЙ ГОРКЕ

История одной экскурсии

В. ГУСЕВА

Другой учитель на месте автора вряд ли бы избежал соблазна после подобной экскурсии посвятить очередной урок-беседу эколого-патриотической тематике: крестьянским судьбам, эстафете поколений, вымиранию деревни, ответственности за родную землю и так далее, — укладывая детей в прокрустово ложе своих благих намерений. Автор же вместо риторических восклицаний соорудил руками родителей и детей альбом — реальный памятник малой родине. Bravo!

Давно хотелось организовать экскурсию в музей. Да у нас ведь не город, музеев нету. Хожу, смотрю, листаю книжки, ищу зацепочку... И вот как-то раз краем уха слышу — как бы в ответ дикторше областного телевидения моя старенькая мама говорит: «А мы, милая, тоже на дне этого моря работали, лес валили, кирпичи таскали — подростками еще были, а работали!»

Стоп! Есть зацепочка! Более полувека назад началось «великое переселение народов» местного масштаба. Десятки тысяч людей из тысяч деревень и сел, из целого города Мологи были подняты и переселены в новые места проживания. Часть их осела в наших краях. Это уходящее поколение. Вот бы записать их воспоминания!

[106 - 112]
Сценарии
и алгоритмы

124

Ожидания и опасения

Но как всё это сделать? Перечитываю материалы по музейной педагогике, по режиссуре урока, ищу помощи, нахожу кое-что, к этому кое-чему добавляю ещё что-то и... решаюсь!

— Ребята, я хочу в Ратаевскую Горку сходить. Вы как, не составите мне компанию?

— А зачем?.. Пешком?.. На целый день?..

Оставляя в секрете главную цель, я говорю, что там живут много пожилых людей, хочется встретиться с ними, поговорить, пообщаться. Пойдём, скорее всего, пешком — обувь должна быть удобной (забываю сказать, что в резиновой ноге промокли в первой же луже, но, к счастью, никто не заболел).

Воспитательная работа в школе 5/10



— Давайте разделим листочек пополам и напишем в левой стороне, чего мы ожидаем от этой экспедиции (уж называть — так серьёзно!), а в правой — чего боимся.

Собрав листочки, обнаружила, что ждут они гораздо больше: «приключений», «угостят пирогами», «всю дорогу будем смешить друг друга», «хорошей погоды» и т.д. Никто не написал: «общения с интересными людьми». А опасения были вполне серьёзные: «нас не пустят», «все воров бояться стали — не откроют», «грустно будет — деревня почти пустая», «одни старики и старухи — что там может быть интересного?».

Предлагаю порвать на мелкие кусочки половинку с опасениями и развезть по ветру, а половинку с ожиданиями положить поближе к сердцу.

Договариваюсь с попутным автобусом, потому что чувствую: им-то хоть бы хны, а вот мне самой этот путь пешком одолеть тяжеловато будет. Договариваться-то договариваюсь, но ребятам ничего не говорю.

«Открываю карты»

Выходим ни свет ни заря — бодренькие, с рюкзачками. Километра не проходим, как нас «случайно» догоняет и подсаживает автобус. Все так обрадовались! (Эх, разлюбили мы всё-таки ходить пешком...)

Минут двадцать — и мы на месте. Опылительный знак на дороге, почему-то стихают шутки, смех, дети становятся чуть взрослее и серьёзнее. (Вспоминается поездка в Хатынь: та же ситуация — смех и песни в автобусе стихают, как только появляется знак на дороге.) Есть в этом что-то. Точка. Отсчёт. Здесь я должна открыть детям цель нашей экспедиции.

Говорю:

— В этой деревне четыре слоя населения. Из сорока трёх дворов сейчас обитаемы только двадцать пять. Остальные заселены дачниками, но они уже отбыли «на зимние квартиры». Другой слой — это коренные жители, предки которых — древние богатыри «оратаи-оратаюшки», давшие еще в древности название деревне. Таких осталось очень мало — пять-шесть человек.

Есть ещё переселенцы второй волны. Это люди, как правило, с несложившимися судьбами, разбитыми семьями, приехавшие в эти тихие места искать свой последний приют, люди, не умеющие и не желающие жить в ладу с деревенским миром. Их-то и боятся старики, потому и живут под запором, даже днём не открывая дверь случайным людям.

И четвёртый слой — это переселенцы первой волны. Перед самой войной, когда стали заполнять чашу Рыбинского водохранилища, они покинули свои дома и поселились здесь. Очевидно, это были люди особой породы, потому что среди них много долгожителей.

Наша задача — послушать их, записать как можно больше, сфотографировать. Договариваемся не входить в дом оравой (хоть и немного в классе ребят), делимся на группы: одна работает в доме, другая — около.

— Что записывать? (Семиклассники — что с них взять!)

— Всё, всё, всё! Рассказы, одежду, убранство дома, посуду... Около дома — постройки, растения, деревья, животных... Да мало ли ещё что! (Вам повезло, что столь обобщённый ответ оказался в конечном итоге результативным. Могло



быть и по-другому: слишком широкий диапазон задания подчас размывает цепкость взгляда, ведь «всё» — это почти что ничего. Недаром мы обычно советуем помогать ученикам странными «ограничениями»: например, не «всё-всё-всё», а «самое-самое» — из рассказов, одежды, посуды и так далее. — *Прим. ред.*)

— Как долго будем находиться в доме?

— Ориентируемся по обстоятельствам. Если я поднимаю карандаш вверх — тихонько, без лишних разговоров собираемся.

Вести незваных гостей в чужой дом, согласитесь, немножко страшновато, даже когда хозяйева вам хорошо известны и любезны. Страшновато и за память старожилы — что сохранила она? Поэтому я и дала детям задание записывать всё, что попадётся на глаза. Потом, в классе, отсортируем.

В группы объединились по жребии и без проблем — всё давно отработано. Ручки-тетрадки — в рюкзаках. Фотоаппарат готов. В путь!

Строчат мои «спецкоры»

Первая встреча — бабушка, которой уже далеко за семьдесят, колет дрова! Да так ловко! Успели щёлкнуть.

А она уже радушно приглашает в дом, достаёт старые фотографии, документы, награды. Разрешает потрогать (я этому чрезвычайно рада: прикосновение всегда богаче, чем взгляд!). А с какой любовью рассказывает о той, другой жизни. Смотрю — мои строчат(!). Кому-то на табурете удалось пристроиться, а кто-то прямо к стене лист приложил...

Бабушка долго нас не отпускает, расспрашивает, кто чей, вспоминает родителей, дедушек и бабушек — их добрый след на земле. А моим-то как приятно! Прощаются чинно, совсем по-взрослому, гуськом спускаются с крылечка...

Другой дом удивил нас ещё больше — дед строит дом для внука! Долго ходим вокруг, охаем и ахаем — где ещё увидишь этот процесс? Деревня сейчас строит мало.

Заглядываю потихоньку в тетрадки, вижу, что не только пишут, но и рисуют... Предлагаю через пять минут собраться у колодца. А хозяин ещё вычерпнул ведро студёной водицы и дал всем попить (зубы ломит!). Предупредил, чтобы не боялись: колодец на ключах, от такой воды никогда не бывает простуды.

Удивил вопрос Саши: «Зачем вы строите дом? Ведь деревня всё равно умирает — одни старики...»

Мудрый человек заглянул ему в глаза: «Не умрет. Ты что думаешь, вся Россия умрет? Нет! Сначала мой внук поселится, а потом ещё кто-то... Знаешь, как перед войной мы сюда приехали...» Вот и рассказ, ради которого мы отправились в путешествие, — прямо на улице, да так интересно, хоть не расставайся.

А я уже поглядываю на часы, знаю, что надо ещё зайти к тётке Вале и тётке Шуре и бабушку Любу нельзя обойти вниманием. А как не сфотографировать деда Колю, который оставил на войне обе руки, прожил без них, женился, хозяйствовал на земле, да и сейчас ещё герой...

Пока деда Колю с бабушкой Симой фотографируем (дети: «Возьмите его под ручку!»), Катюша шепчет, что Саша пропал. Но в панику удариться не успеваю —



Саша выскакивает из соседнего дома, за ним бабушка — его собственная! Улыбается, зовёт в гости.

Я колеблюсь: удобно ли? Но уж очень хочется, вспоминается ребячья мечта о пирогах. Да и бабушка настаивает, говорит, что ещё утром нас заприметила, весь день готовила, старалась. И ребята мои проголодались... Последний довод — голос Кати: «Помните, мы «Поучение» Владимира Мономаха читали: «Более же всего чтите гостя»...

Вот и ещё один урок — русского гостеприимства и хлебосольства. Чувствую, что уходить никому не хочется, умоляют остаться до вечера. Я же напоминаю, что нельзя злоупотреблять гостеприимством, пора и честь знать. А чтоб не огорчались, напоминаю об обещании деда Миши подарить нам старинную прялку, когда придём в следующий раз. Значит, придём.

Оформляем материалы

Всю следующую неделю ждём фотографий и разгребаем свои записи, стараюсь извлечь то, ради чего и была задумана эта экспедиция.

Когда фотографии были вклеены в альбом, рядом вписались детские (не без помощи родителей) рассказы.

«В 1936 году вышла замуж за Штыхина Павла Михайловича. Из затопляемой зоны стали переселяться в 1940 году. Уезжать не хотелось.

Деревня Марьино была большая — четыре посада. Наш дом стоял на берегу реки. Здесь муж успел поставить только перед, началась война, его сразу взяли и убили. Я осталась со свекровью и маленьким сыном, дочка родилась уже без отца, в январе».

«Меня вывезли из Марьино четырёхдневную. Мать после родов болела, везли на телеге по весенней грязи. Уже топило. Дом отец не успел поставить, мать достраивала сама. А отца убили».

«Колхоз был хороший, рабочей силы много. Братья работали на лошадях. Много держали скота, были заливные луга. Собирали клюкву и продавали. По Согоже сплавляли лес.

Потом стали выселять, ломали дома и плотили в гонки, куда-то увозили. Нам дали компенсацию, но мало. Дом достроить не успели, ещё крыша была недокрыта, как началась война. Два брата погибли, один вернулся раненый. Часто снится деревня. Все четыре посада, огороды...»

«Деревня была красивая. Жили мирно, воровства не было. Зимой мужчины работали, а женщины пряли, ткали, пели песни. И мужчины пели. Праздники были — Крещение, Владимирская. Зятя к тёщам в гости приезжали.

Щи варили в глиняных горшках, ставили в печь, они до вечера не прокисали. Из свёклы варили похлебку, квас, пиво.

Портные приходили и жили в семье, пока не выполняли все заказы».

«Отец был председателем колхоза. Поехал и нашёл место, ему здесь понравилось, почти все поехали за ним».

«Помню, как началось затопление. Уже все уезжали, а мы с дедом жили двое. Я заканчивал четвертый класс, сдавал экзамены. Ходил в школу по щиколотку в воде, а иногда проваливался и по колено. Жгли пустые дома, было страшно».





«Я знаю, что...»

Кроме этих рассказов, у ребят ещё осталась целая куча всякой всячины. За-теваю игру «Я знаю, что...». Чьи ротаевские знания-воспоминания не иссякнут дольше всех? И началось:

- Я знаю, что улица, на которой селились марьинские, называется При-тыкино.
- Я знаю, что здесь протекает ручей, которого нет на карте района, называ-ется он Малашка.
- Я знаю, что в одном палисаде растёт море шиповника.
- Я знаю, что здесь двадцать семь рябин, есть с вкусными ягодами, а есть и не очень.
- Я знаю, что крылечки у домов какие-то сказочные, похожи на терема.
- Рамочки на стенах...
- Полотенца — ручной работы, даже не верится...

(Дух захватывает от ваших, Валентина Павловна, импровизаций. Честное слово! Отдав должное высоким материям, вы позволили детям остаться детьми и вместе с ними порадовались многообразию мира: ручью, крылечкам, палиса-дам... И сохранили их речь для нас. Спасибо! — *Прим. ред.*)

Что же дальше?

Эта мысль не даёт мне покоя. Ведь интерес не спадает.

Пригласили экологов-девятиклассников об истории водохранилища расска-зать — мало! Послушали нашу учительницу-пенсионерку, у которой пережива-ния о затонувшей родине в стихи переплавились.

Теперь, пожалуй, можно и В.Распутина им подсунуть — «Прощание с Ма-тёрой». Пусть-ка для начала что-то схожее с тем, что в экспедиции услышали, найдут, а то на учительское «прочитайте» у них аллергия. А вот если наткнутся случайно на строки: «Вот и не стало Матёры — царствие ей небесное, — как бы сказала, перекрестясь, мать. Вот и не стало Матёры-деревни...», — тогда, может, и прочитают. И в Ротаевскую Горку ещё вернуться, чтобы посмотреть в глаза ста-риков.

[106 - 112]
Сценарии
и алгоритмы

128 ▶